

пьесы, негативное по отношению к существующему положению вещей. Однако сам Ш. утверждал, что в его пьесе нет политического подтекста, что его сказки не аллегории и персонажи в них говорят отнюдь не на эзоповом языке. Философская сказка Ш., в которой ставилась важнейшая проблема сохранения человеческой личности, противостояния свободолюбивого героя диктатору, вольно или невольно оказывалась ироническим зеркалом, отражающим реальность. Сильнейшее звучание приобретает в этой пьесе и тема «обыкновенного» человека, который оказывается ответственным за то зло, при котором он соглашается жить. Если вспомнить постоянное стремление Ш. к соединению в худож. мире условности и действительности, то неоднозначное восприятие «Дракона» современниками становится понятным. Сказка Ш. на этот раз оказалась слишком правдива и близка жизни.

В 1944 Ш. работал над пьесой **«Медведь»** (др. название — **«Обыкновенное чудо»**). В ней главное место занимает тема настоящей любви. Это чувство, по мнению автора, и является «обыкновенным чудом». В произведении фантастическое и жизненное как бы поменялись местами. Превращение медведя в человека оказывается менее удивительным событием, чем «обыкновенная» любовь, мешающая человеку вновь стать зверем. Ш. до конца жизни отличался удивительной работоспособностью. Последняя пьеса драматурга — **«Повесть о молодых супругах»** — вышла в 1957. Ш. создал сценарии к множеству известных кинофильмов (1935 — **«Разбудите Леночку»**; 1936 — **«Леночка и Виноград»**; 1947 — **«Золушка»**; 1954 — **«Царь Водокрут»**; 1955 — **«Дон Кихот»**). Всю жизнь Ш. вел дневники, ставя перед собой цель «научиться писать правду».

Соч.: Тень: пьесы. Л., 1972; Сказки. Повести. Пьесы. Л., 1960; Живу беспокойно... Из дневников. Л., 1990. Телефонная книжка / сост. и комм. К. Н. Кириленко. М., 1997; ...Я буду писателем: Дневники и письма. М., 1999.

Лит.: Цимбал С. Евгений Шварц: критико-биографический очерк. Л., 1961; Мы знали Евгения Шварца. Л.; М., 1966; Калмановский Е. С. Шварц // Очерки истории русской советской драматургии: 1945–1967. Л., 1968; Поликковская Л., Биневиц Е. Легенда и быль // Житие сказочника. Евгений Шварц. Из автобиографической прозы. Письма. О Евгении Шварце. М., 1991; Головчинер В. Е. Эпический театр Евгения Шварца. Томск, 1992; Биневиц Е. На пути к «Дракону» // Нева. 1996. № 10; Кириленко К. Н. Архив сказочника // Встречи с прошлым. М., 2000. Вып. 9; Головчинер В. Е. «Обыкновенное чудо» в творческих исканиях Е. Шварца // Дра-

ма и театр. Тверь, 2002. Вып. 4; Харитонов М. «Дракон» Евгения Шварца: победа над Солнцем // Полдень, XXI век. СПб., 2003. № 2. С. 251–267; Холодкова М. Жанр лит. сказки в творчестве Евгения Шварца: [На материале пьес «Голый король», «Снежная королева», «Тень», «Дракон», «Обыкновенное чудо»] // Голоса молодых ученых. М., 2003. Вып. 12.

В. Ю. Вьюгин

ШВАРЦ Елена Андреевна [17.5.1948, Ленинград] — поэт, прозаик, эссеист.

Родилась в театральной семье, по образованию театровед. Известность получила в 1970-е публикациями в самиздатовских и зарубежных ж.: «22», «Вестник РХД», «Эхо», «Стрелец», «Ковчег», «Мулета», «Гнозис», «Глагол», «Грани». Позже в советских изд.: альм. «Круг» (1985), ж. «Родник», «Радуга», «Нева». Первые книги стихов выходят за рубежом: **«Танцующий Давид»** (США, изд-во «Росинка», 1985), **«Стихи»** (Париж, изд-во «Беседа», 1987), **«Труды и дни монахини Лавинии»** (США, изд-во «Ардис», 1988). Первая книга в СССР — **«Стороны света»** (Л., 1989). Относится к поэтам новой волны.

«Елена Шварц — поэт огненной стихии, ее стихи, как и псалмы Давида, порождены одним неистовым вертикальным стремлением. Это стремление как бы преобразует поэта в струнный музыкальный инструмент, а играет на нем сам Бог. <...> Танцующий Давид у Елены Шварц — человек, открывающий в себе танцующего Бога» (Кузнецова А.— С. 161). Ей свойственна «энергия творческого экстаза и глубина философской мысли» (Там же. С. 162).

«Излюбленный жанр», по признанию самой поэтессы, — маленькая поэма: «От собственно „поэмы“ она отличается крайне прерывистым развитием фабулы. <...> она маленькая трагедия в миниатюре: в ней есть завязка, катарсис и апофеоз, монолог и хоры» (Стихотворения и поэмы. С. 259). С 1974 по 1996 созданы следующие маленькие поэмы: **«Горбатый миг»**, **«Черная пасха»** (обе — 1974), **«Простые стихи для себя и для Бога»** (1976) **«Грубыми средствами не достичь блаженства»** (1978), **«Ночная толчея»** (1979), **«Мартовские мертвецы»**, **«Рождественские кровотопки»** (обе — 1980), **«О том, кто рядом (Из записок Единорога)»** (1981), **«Хьюмби»** (1982), **«Хомо Мусагет (Зимние музы)»**, **«Поход юродивых на Киев»** (обе — 1994), **«Прерывистая повесть о коммунальной квартире»** (1996). По их поводу

автор сообщает: «За этот срок их темы, смыслы, словесная ткань и ритмы, естественно, менялись, параллельно превращениям эпителия, мозга, сердца и астрального тела автора» (Там же).

Другим жанром, формирующим особое лицо поэзии Ш., являются «исторические стихотворения» с их отсутствием дистанцированности между автором и изображаемым им миром прошлого, как, например, в стих. **«Распродажа библиотеки историка»**, в котором раскрывается «путешествие натуралиста, собирателя исторической флоры и фауны, постепенно растворяющегося в мире, ставшем предметом его изучения. <...> Но самое главное состоит в том, что здесь отменена абсолютность границы света и тьмы, настоящего и прошлого, и выветляются пространства былого, оставшегося живым» (Рекшин М.— С. 244). Данные стихи «рождены не просто „интересом“ к их материалу и персонажам, но и тем „правом памяти“, доказательства которого мы обнаруживаем во всем творчестве поэта. Представление Платона о знании как припоминании в полной мере относится к Елене Шварц» (Там же. С. 245). По определению исследователя, поэтессе свойственно умение путем тонкого взаимодействия с поэтом изображаемой прошедшей эпохи придать «ощутимую плотность» исторически никак не зафиксированному сознанию, что относится уже

Е. А. Шварц

к области ее поэтически убедительных «исторических догадок и видений» (Там же. С. 245–246).

Знаменательны также и «Труды и дни монахини Лавинии» — произведение, которое сама поэтесса назвала даже романом, но которое, не будучи ни «поэтическим циклом, ни поэмой» не что иное, по мысли исследовательницы, как «книга, написанная от имени безумной монахини <...>, насельницы удивительного монастыря, стоящего на „скрещении времен и пространств“». (Кузнецова А.— С. 163). Ею же она определяется как «результат не только поэтического, но и религиозного творчества» (Там же). Внутренняя структура «Трудов и дней монахини Лавинии» представляется А. Кузнецовой «в виде нескольких концентрических окружностей», начиная от «вознесенного и отдаленного от реального мира» монастыря и кончая героиней, которая сама, в свою очередь, чувствуя себя одинокой и оставленной, создает собственный «более узкий духовный круг», состоящий из «видений, откровений, медитаций». В идее перехода от духовного к еще более духовному Елена Шварц выразила то внутреннее состояние нашего времени, «когда,— как пишет Т. Горичева в книге „Нечаянная радость“, — духу противостоит не плоть, а сам дух, недостаточно очищенный и освобожденный...» (Там же). Однако «мистическая жажда Лавинии,— продолжает А. Кузнецова,— не только возносит ее вверх, но и подводит к краю бездны, за которым — демонический срыв, подпадение под власть Князя мира сего. Для преодоления темного начала надо противопоставить себя не только монастырю, но и самой себе, своей причудливой духовной жизни, замкнуть третий внутренний круг и остаться наедине с бесконечной непознаваемостью божества: „Текут века — я их забыла / И проросла травой осокой, / Живой и вставшею могилой / Лечу пред Богом одиноко“» (Там же).

Поиски Бога — одна из доминирующих тем поэзии Ш. Ей посвящена и отмеченная выше поэма «О том, кто рядом (Из записок Единорога)». Привести к успеху могут «только тоска и страдание», а также «мощное внутреннее усилие» (Там же), порождающее в поэзии весьма ощутимые образы божественного бытия: «По запаху сыщу Его, / По проблескам лазурной крови, / Сиянию костей...» («О Том, кто рядом...»). На уровне идеологически-конфессиональном эти «поиски» у Ш. носят экуменический характер: «Иудеи, ваша горечь, / Мусульмане, ваша смелость, /

Христиане, ваша кротость — / В почке марта тихо спелись» (**«Иудеям и всем»**).

Мировосприятие Ш. носит весьма динамический характер: «Но если успеешь еще оглянуться вверх, на исток — / Там стороны света кружатся, как черный цветок, / И если я искру с ладони своей проглочу — / То чудо случится — я вверх в сердцевину лечу» (**«Большая элегия на пятую сторону света»**, 1997). «„Пейзаж души“ Елены Шварц в момент творчества — „сад молний“» (Кузнецова А.— С. 162). С этим связано и то своеобразие ее мировосприятия, что пространство в нем предстает дистанционно неразличимым по отношению к близи и дали, микро- и макромиру; «Потом бреду в пустое море, / Средь мелких рыбок спит Кронштадт...» (**«Времяпрепровождение № 2»**); «Где сполохи и тихая гроза, / Где этот переход и перелив, / Где человек впадает в Бога, / Как в обморок или в залив?» («Прерывистая повесть о коммунальной квартире»); «В чреве ночи проснувшись / В рубахе ветхой и тленной, / Я на миг — о, на длинный миг / Перепутала себя со Вселенной <...> / Скорей, скорей в свои границы! / Я в звездной задохнусь пыли. / О, снова бы мне поместиться / В трепещущую под тряпичей / Крупинку на краю земли!» (**«Ночное купанье»**). Порой это напоминает образы, созданные по типу библейского неба, «свившегося в «свиток» (Откр. 6, 14): «Комья облаков к лопате прилипли» (**«Воздушное Евангелье»**, 1982), «Намотанный на колесо Литейный» (**«Автомобильное»**, 1995). Пример соединения телесно-анатомического микромира с географически-имперским макромиром: «Зрачок сиял — тяжелый, как держава... / И, как страна, она внизу лежала, / Ее уж не скрывало одеяло — / <...> / И можно ли обнять страну, / Обнявши женщину одну? / И если мысленно продолжить / Ее раздвинутые ноги / (О ты, завершие равнин!) / То под одной пятой — Варшава, / А под другою — Сахалин (О Екатерине II — **«В отставке»**, 1979).

С подобной же зыбкостью, нераздельностью границ выступают у Ш. и понятия жизни и смерти: «Смертожизнь бесконечная длится...»; «Руки нищий греет мертвый / О судорогу в моей груди. <...> Что не надо и умирать — / Так ты, смерть, изъязвила меня!»; «И если жизнь — корабль, на якоре стоящий. / То якорь этот — смерть, тяжелый и кипящий, / И если бы не он — корабль наш / Весь расстворился, как мираж» (**«Хочу разглядеть — смерть — якорь, море, лицо, лес?»**, 1988).

Поэзии Ш. присуще мироощущение крайней катастрофичности: «Поэтический мир Е. Шварц исполнен катастроф и фантазмагорических превращений, реальность проламывается внедряющимися в нее потусторонними силами. Человек вовлечен в игру могучих стихий, он успевает следить лишь за чередованием гибельных и возрождающих ударов той воли, которой он изначально подчинен» (Рекшин М.— С. 242). Этим объясняется и обилие у нее образов гибельного, сатанинско-инфернального мира: «Не различают утра, дня и ночи, / Пьют самогона из черепа гнилого...» (**«Западно-восточный ветер»**); «И тотчас же повис паук, / Кровь высосал, напился, ал / И быстро на живую нитку / Мягкий саван соткал» (**«Злое сокровище»**). Сродни ему нередко и герои, в частности юроды: Марфушка, что «от трактира до трактира <...> / На одной ноге скакала», пьяница Пахом, который «в блевотине своей, как в злобе», «гундосый» Федосий, Федул, у которого «язвой рот в пол-лица» («Поход юродивых на Киев»), а также нежить («Злое сокровище»).

Стихи Ш. исключительно метафоричны, что мотивируется, отчасти, «неодолимой привязанностью» поэтессы, по ее собственному признанию (**«Три особенности моих стихов»**, 1996), «к метаморфозам, как у Овидия. Все превращается во все. Сириус — в пьяницу, Волк — во Льва, человек — в букет, в башню, цикаду, птицу, живую могилу, убийца — в жертву. Человек в Бога и так далее» (**«Определение в дурную погоду»**. С. 83). Они могут носить характер либо зловещего, колдовского приобщения к темным силам («Поход юродивых на Киев», «Злое сокровище»), либо архетипического аналога: «По руслу бывшего канала / Скольжу я в рыбке круглоногой» (в речном транспорте, подобно библейскому пророку, путешествовавшему в утробе кита), на грани перехода от метафоры к достаточно «реально» аргументированному образу, как, например, в стих. **«Шофар»** (1996), в котором боль в костях вызывает вполне оправданную ассоциацию с духовными музыкальными (даже по форме!) инструментами: «Еще в сердце моем радость, / А в костях печаль-тоска. / Все го-бои, все берцовые / Вуют, ноют всей длиной, / Будто роги новогодние / Над темнеющей рекой».

Образ в поэзии Ш. исключительно ошутим, материален: «Как это ни парадоксально, у нее, поэта в высшей степени духовного, часто встречаются образы, крайняя телесность которых почти отпугивает: „Когда же отцве-

ту, о Боже, Боже, / Какой останется искусанный комок — / Остывшая и с лопнувшей кожей, / Отцветший, полумертвый зверь-цветок". Откровенная физиологичность образа, его сверхплотность и грубая вещность, сопряженная с актом духовного страдания, создает новую действительность — отталкивающую, устрашающую, но зато единственно истинную.

У дарования Щварц есть редкое для русской поэзии свойство — способность к мистическому переживанию. Духовный опыт обретающей словесную плоть, которая реальнее самой реальности. Какие бы запредельные темы ни возникали в ее стихах, образы всегда отчетливо визуальны; поэт преследует двойную цель — сохранить тайну во всей ее непосредственности и одновременно сделать ее явленной» (Кузнецова А.— С. 161). В частности, всегда сияющую мистически-непостижимым светом луну (доминирующий, кстати, образ в поэзии Ш.) поэт делает вполне доступной для своих героев («Однажды он Луну догнал, / И нечаянно внутрь ступил...» — «Поход юродивых на Киев»), заполняет ее динамикой и всевозможными реалиями земного бытия: «Луна висела, как столпотворенье, / Как вихревой комок, / Сплелись в ней лица, хищные растенья, / Псалмы, визг скрипок и стихотворенья, / Водоворот камней и волосок» («Земля творная»).

Поэзию Ш. отличает также своеобразная цветопись, носящая не статичный, а динамический, «вибрирующий» характер: «Рыба воздух сжигает своим серебром», «Над ней рассвет уже дрожал / Внутренней коркой арбузной», «Воздух будто промокашечный — / Из сиянья, из дрожанья / Что-то хочет проступить». Ее лексическую особенность составляет употребление архаизмов («Так униженна местность, смиренна...», «О Родина милая, родина драгая...», «И взлетали они и взмывали оне», «Льзя ли грубо различать?»), что способствует усилению ее «нездешнего» звучания. Из лит. традиций в поэзии Ш. наиболее ощутимо признаваемое и ею самой влияние М. Кузмина и М. Цветаевой.

Удостоена премий им. Андрея Белого, Триумф (2003), им. Алле Рице (2005); переведена на 17 яз.

Соч.: Стихи. СПб., 1990; Лоция ночи. СПб., 1993; Песня птицы на дне морском. СПб., 1995; *Mundis imaginalis* (Книга ответвлений). СПб., 1996; Определение в дурную погоду. СПб., 1997; Западно-восточный ветер. СПб., 1997; Соло на раскаленной трубе. СПб., 1998; Стихотворения и поэмы. СПб., 1999; Дикопись последнего времени. СПб., 2001; Сочинения в двух томах.

СПб., 2002; Видимая сторона жизни. Книга эссе, литературных мемуаров и малой прозы. СПб.; М., 2003.

Лит.: Кузнецова А. Воскресение внутри духа. О трех зарубежных книгах Елены Шварц // Звезда. 1990. № 12; Рекшин М. Со дна исторической шкатулки // Вестник новой лит-ры. Л., 1990. Вып. 2; Топоров В. Об одной группе сербо-хорватских заговоров // Славянско-балканское языковедение. М., 1993; История ленинградской неподцензурной лит-ры. СПб., 2000; Изварина Е. Поэзия метаморфозы // Урал. 2001. № 5; Свитнева Е. Координаты духа, или Дикопись в ритме свинга // Новый мир. 2001. № 9; Антипов А. Жар и озноб // Знамя. 2001. № 7; Шубинский В. Садовник и сад: о поэзии Елены Шварц // Знамя. 2001. № 11.

А. И. Михайлов

ШЕВЕЛЁВ Александр Александрович [13.7.1934, д. Крислино Калужской обл.— 30.10.1993, Петербург] — поэт.

Родился в крестьянской семье. В детстве Ш. воспринял «трепетное отношение к российским просторам, к лесам и полям, зорям и закатам, ночным грозам и грибным дождям — ко всему тому, что зовется Россией» (Поклонение слову. С. 7). В годы оккупации семья скрывалась в лесных деревнях. После школы обучался в ремесленном училище в Новомосковске, затем в техникуме индустриальной промышленности в Ленинграде. Окончил Ленинградский ин-т точной механики и оптики (1961). Работал в НИИ им. Крылова.

Стихи начал писать рано, первая публикация — в 1955. В 1960-е Ш. печатается

А. А. Шевелёв